

Инициатива «Один пояс – один путь» в Центральной Азии Кабинетное исследование

РАБОЧИЕ МЕСТА
ЭКОЛОГИЧНЫЕ РАБОЧИЕ МЕСТА
ПРАВА
СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА
РАВЕНСТВО
ВКЛЮЧЕНИЕ

Новый общественный договор для целей восстановления и стрессоустойчивости

Автор: Харри Талига

МКП 2021

Данное исследование осуществлялось в сотрудничестве между МКП и Фондом им. Ф. Эберта (FES) при финансовой поддержке FES.

Фото: МОТ

СОДЕРЖАНИЕ

Резюме	4
Рекомендации.....	4
Общий контекст	5
Цель проекта.....	5
Методология	5
Об авторе	5
Описание инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) в регионе	6
Почему страны Центральной Азии крайне мотивированы к участию в ОПОП?	6
Почему Китай заинтересован в ОПОП в Центральной Азии?	7
Столкновение геополитических интересов в Центральной Азии.....	9
Каковы риски для принимающих стран?	9
Ситуации по странам	11
Казахстан	11
Кыргызстан	13
Таджикистан.....	15
Узбекистан	17
Выводы	19
Рекомендации	20
Приложение 1 Избранные основные источники информации	21
Приложение 2 Перечень проведенных интервью	22
Концевые сноски	23

Резюме

Рекомендации

Китай проводит огромные инвестиции в Центральной Азии в рамках своей инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП или BRI). Деньги потоком текут в Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан для финансирования широкого спектра инфраструктурных проектов. Настоящий доклад ставит вопрос: Как ОПОП воздействует на положение трудящихся в этих странах?

Настоящий доклад рассматривает воздействие китайских инвестиций на ситуацию с правами трудящихся, следуя постоянно растущей необходимости анализировать потенциальные последствия и вызовы проектов ОПОП, чтобы содействовать проведению профсоюзных дебатов в странах Центральной Азии и в мировом профсоюзном сообществе.

Настоящее исследование особенно сосредоточено на вопросе: как в этом процессе затрагиваются права человека и трудящихся? Например, согласно Индексу МКП по соблюдению прав трудящихся (далее – Глобальный индекс МКП) за 2020 год¹, Казахстан остается в числе 10 наихудших стран мира для людей труда, тогда как по трем другим странам региона нет достаточного объема сравнимых данных по ситуации в области соблюдения трудовых прав, хотя различные сообщения, поступающие от правозащитных организаций, говорят о повсеместных нарушениях основных прав и свобод. Более того, сам Китай в Глобальном индексе МКП относится к 5-й категории, которая определяется как «страны, в которых отсутствуют гарантии прав». Поэтому влечет ли приход китайских компаний и китайских денег в Центральную Азию за собой дальнейшие угрозы для условий труда, социального партнерства в целом, свободы объединения и права на коллективное ведение переговоров?

Настоящий доклад устанавливает, что:

- отмечается отсутствие доступной информации для профсоюзов в отношении китайских инвестиций на уровне экономики и на национальном уровне.
- господствующий подход среди китайских инвесторов состоит в соблюдении минимальных норм местного трудового законодательства, когда отсутствует давление со стороны профсоюзов или трудящихся.
- руководство китайских компаний, похоже, не-

хотно идет на диалог с профсоюзами и коллективные переговоры.

- ситуация с профсоюзным объединением работников в китайских компаниях сильно варьируется в зависимости от страны, отрасли и компании.
- каждая страна постепенно ввела минимальные квоты по найму местных работников, поскольку китайские компании предпочитали нанимать работников из Китая, даже на рабочие места, требующие относительно низкой квалификации.
- Китайские работодатели предпочитают поддерживать более высокие зарплаты для китайских работников в сравнении с местными, приводя самые разнообразные аргументы, еще больше усложняя этнические и культурные отношения, особенно с обедневшими местными общинами.
- профсоюзы по разным причинам находятся в относительно слабой позиции при заключении коллективных договоров.

Для профсоюзов Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана существует огромный потенциал в плане улучшения ситуации в области социального партнерства в китайских компаниях и условий труда работников, которых они представляют. Чтобы работать в этом направлении, настоящий доклад предлагает этим профсоюзам следующие рекомендации:

- Лоббировать национальные органы, добиваясь включения положений основополагающих норм трудовых отношений (Конвенций МОТ) в любые соглашения с китайскими работодателями.
- Разрабатывать поэтапные планы действий по началу диалога с руководством компаний.
- Подключать трудовые инспекции к контролю за соблюдением основополагающих норм трудовых отношений на предприятиях.
- Налаживать сотрудничество с другими профсоюзами на отраслевом, региональном и местном уровнях.
- Нарастивать потенциал профсоюзов в области профсоюзного объединения и мобилизации работников и ведения переговоров – с упором на китайские компании.
- Выделять людские ресурсы и время для профсоюзного объединения (органайзинга) работников китайских транснациональных корпораций (ТНК).
- Обмениваться передовым опытом в профсоюзном объединении работников китайских предприятий.

Влияние китайских компаний в силу инициативы ОПОП уже является огромным, и оно лишь будет продолжать расти. Совершенно необходимо, чтобы профсоюзы Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана не медленно приступили к выполнению этих рекомендаций. Более того, международное профсоюзное движение должно наращивать свое присутствие в этом регионе для преодоления двойного вызова: игнорирования прав трудящихся как правительствами, так и глобальными цепочками, которые выстраивает Китай.

Общий контекст

Инициатива была объявлена Президентом Китайской Народной Республики (КНР) в Астане², столице Казахстана, в сентябре 2013 года.

Это широкомасштабная инициатива по расширению экономических связей Китая с Центральной Азией, Россией и Центральной и Восточной Европой. ОПОП отражает меняющийся статус Китая, который за два последних десятилетия вырос в мировую экономическую державу и стал одним из господствующих игроков в международной финансовой системе и теперь хочет использовать свою мягкую силу.

ОПОП можно описать как гибкий механизм с серьезным упором на проекты, содействующие развитию, в инфраструктурном строительстве, энергетическом и транспортном секторах. С ноября 2018 года перечень проектов включает:

- 203 моста (автомобильных и железнодорожных);
- 199 электростанций
- 41 трубопроводов

По данным Глобальной телевизионной сети Китая (ГТСК), к маю 2020 года в рамках ОПОП Китай подписал 200 соглашений о сотрудничестве со 138 странами и регионами и с 30 международными организациями.

Цель проекта

Данное пилотное исследование, проведенное в ноябре 2020 при поддержке вниманием Фонда им. Ф. Эберта, сосредоточено на воздействии ОПОП на ситуацию с правами человека и трудящихся в четырех странах Центральной Азии, не имеющих выхода к морю, – Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане, – которые получили независимость в начале 1990-х годов после распада Советского Союза. Эти страны находятся в центре «Нового Евразийского сухопутного моста» как части инициативы ОПОП.

Китай предпринимает шаги к постепенному повышению своей роли в этом регионе с начала 1990-х годов. КНР стала одним из ключевых партнеров для каждой из

этих четырех стран, поэтому трудно представить себе их будущее развитие без сотрудничества с Пекином. Такой подход, однако, не является особым для Центральной Азии; Китай использует аналогичные методы и в Африке. Но здесь разница состоит в географическом и геополитическом положении региона: он не только богат природными ископаемыми и энергоносителями, он представляет собой возрожденный Шелковый Путь к Европейским рынкам и является шахматной доской для Большой Игры.

Методология

Настоящий доклад является результатом кабинетного исследования, проведенного в сжатые сроки, чтобы подготовить обзор:

- a) имеющейся информации из открытых источников о состоянии инициативы ОПОП в регионе на конец 2020 года.
- b) потенциальных последствий и вызовов, сопряженных с китайскими инвестиционными проектами, для прав трудящихся в Центральной Азии.

Для данного кабинетного исследования были применены два основных метода:

1. Анализ данных, доступных в режиме онлайн – опубликованные книги, научно-исследовательские доклады, онлайн-платформы (СМИ, специализированные базы данных), веб-сайты ряда правительственных учреждений, а также компаний.
2. Интервью с профсоюзными работниками с целью понять их отношение к китайским инвестициям и их тревоги, связанные с работодателями/ руководством транснациональных компаний из КНР.

Об авторе

Харри Талига (Harri Taliga) – эксперт в области трудовых отношений с особым вниманием на профсоюзное движение в странах с переходной экономикой, включая Центральную и Восточную Европу (ЦВЕ) и Новые независимые государства (ННГ). Он имеет свою профсоюзную историю – в течение десяти лет он был Президентом Эстонской конфедерации профсоюзов (EAKL).

Он работает с международными организациями, министерствами и ведомствами, объединениями социальных партнеров, научно-исследовательскими и образовательными учреждениями на национальном, субрегиональном и европейском уровне с 2011 года.

Харри принимал участие в нескольких миссиях и мероприятиях Международной организации труда (МОТ), в том числе в качестве Старшего технического советника страновой программы по достойному труду в Узбекистане (2014 – 2016).

Описание инициативы «Один пояс – один путь» в регионе

Все четыре страны в исследовании имеют ряд общих характеристик. Все они, вместе с Китаем и Россией, являются членами-учредителями Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – евразийского альянса в сфере политики экономики и безопасности, созданного в июне 2001 года. Все четыре являются странами, не имеющими выхода к морю, а Узбекистан еще и находится в окружении стран только с сухопутной границей. Три страны из четырех, кроме Узбекистана, имеют около 3 300 километров общей границы с Китаем.

Эти четыре Центрально-Азиатских страны остаются относительно бедными, единственным исключением является Казахстан, поскольку он богат природными ресурсами. Согласно Всемирной книге фактов ЦРУ, их Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения (в ППС) составлял: Казахстан (2019 год) – 11 845 (в долларах США 2010 года, занимая по этому показателю 109 место в сравнении с другими странами мира), Кыргызстан (2019 год) – 1 127 (в долларах США 2010 года, 210-е место), Таджикистан (2017 год) – 3 200 (в долларах США 2017 года, 177-е место), Узбекистан (2017) – 6 900 (в долларах США 2017 года, 139-е место).³

Экономики всех четырех стран, охваченных исследованием, в последние годы показывали рост реального ВВП. По оценкам ЦРУ, темпы роста в 2015 – 2017 годах составляли от 3,2% до 4,6% в год в Кыргызстане, от 5,3% до 7,9% в год в Узбекистане, от 6% до 7,1% в Таджикистане и от 4,38% до 6,13% в Казахстане в 2017 – 2019 годах.

Это развивающиеся страны с крупным сельскохозяйственным сектором и относительно ограниченной обрабатывающей промышленностью, занимающие нижние позиции в глобальных цепочках создания добавочной стоимости и имеющие устаревшие транспортные связи с другими регионами.

Вызовом для стран Центральной Азии, за исключением Казахстана, является большое количество безработного и частично занятого населения, что ведет к миграции миллионов людей в другие страны в поисках работы и дохода. При этом фундаментальные свободы и права, а также международные нормы трудовых отношений соблюдаются плохо: свобода объединения жестко ограничивается, наличествует детский и принудительный труд, широко распространено пренебрежение вопросами охраны труда.

Согласно Глобальному индексу МКП по соблюдению прав трудящихся за 2020 год⁴, Казахстан остается в числе 10 наихудших стран мира для людей труда, тогда как по трем другим странам МКП не имеет достаточных сравнимых данных о ситуации в сфере трудовых прав. Более того, сам Китай принадлежит к 5-й категории в Глобальном индексе МКП по правам, куда входят страны, в которых «отсутствуют гарантии прав». Поэтому широкомасштабное вторжение китайских компаний в Центральную Азию несет с собой дальнейшие угрозы для условий труда и социального партнерства в целом, включая свободу объединения и право на коллективное ведение переговоров.

Почему страны Центральной Азии крайне мотивированы к участию в ОПОП?

Страны региона нуждаются в деньгах для развития и извлечения доходов из своих огромных запасов природных ископаемых. Их экономики, за исключением Казахстана, оказались не в состоянии генерировать достаточные финансовые средства внутри страны для целей развития и крайне остро нуждаются в крупномасштабных инвестициях для построения ориентированной на рынок экономики, а также для того, чтобы присоединиться к международным торговым сетям.

По мнению экспертов, проекты инфраструктурного развития являются для стран Центральной Азии не просто инвестициями, но еще и средством подключения к мировой торговле. Правительства ожидают, что инвестиции, прежде всего в инфраструктурные проекты, откроют двери экономикам этого не имеющего морских границ региона и привлекут более диверсифицированные проекты и повышенное внимание стран мира.

Запуск инициативы ОПОП увеличил инвестиции Китая в инфраструктуру как в целом, так и в данном регионе. Инициатива предполагает реализацию ряда транспортных инфраструктурных проектов в сухопутных коридорах Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и на морских маршрутах Морского Шелкового пути 21-го века (МШП).

Наибольшая часть мировой торговли осуществляется по морю, а железная дорога является вторым по важности видом международного транспорта. Инвестиции в строительство в развитие сети железных и автомобильных дорог повышает конкурентоспособность как трансграничного, так и внутреннего транспорта в Центральной Азии. Два из шести коридоров ОПОП проходят через этот регион, соединяя Китай, соответственно, с Европой и Ираном и Западной Азией. Один из маршрутов коридора ОПОП, называемый Новый евразийский сухопутный мост, соединяет Китай с Западной Европой через Казахстан-Россию-Беларусь-Польшу-Германию. Говоря коротко, эти транспортные коридоры не просто содействуют китайскому экспорту, через них Китай предлагает большинству экономик Центральной Азии ближайший для них порт.

Всемирный Банк подчеркивает благотворное воздействие транспортных проектов ОПОП для экспорта, прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и ВВП стран Центральной Азии. Сокращающееся время грузоперевозок делает регион более конкурентоспособным, а его страны – более привлекательными для иностранных инвесторов. Это генерирует рост ПИИ и экспорта, которые должны привести к повышению производительности труда и росту ВВП. Недавно подготовленные Всемирным Банком прогнозы воздействия ОПОП на экономику некоторых стран говорят о том, что ВВП и Кыргызстана, и Таджикистана мог бы вырасти на 32%, а ВВП Казахстана – на 21%.⁵ Тем не менее, чистая выгода будет значительно ниже, если принять во внимание затраты на создание необходимой инфраструктуры.⁶

Учитывая отсутствие других стран, способных предложить инвестиции в объемах, в которых их предлагает Китай, можно понять, почему Центрально-Азиатские правительства не обращают особого внимания на сопутствующие риски, такие как угроза оказаться в долговом капкане или уступить часть своего суверенитета. Подобного рода сценарий уже материализовался в других странах мира. Таким образом, руководство стран региона выступает за инвестиции из более широкого круга источников в рамках ОПОП.

Почему Китай заинтересован в ОПОП в Центральной Азии?

В основе ОПОП лежит множество причин. В контексте настоящего исследования важно подчеркнуть следующие.

1. Страны Центральной Азии привлекательны для Китая, потому что богаты природными ресурсами, тогда как Китай является крупнейшим в мире потребителем нефти и газа. Китайская экономика нуждается в них и хочет иметь к ним беспрепятственный доступ. В то же время, страны, являющиеся объектом настоящего исследования, являются близкими или даже прямыми соседями КНР – как упоминалось выше, три из них имеют общую границу с Китаем.
2. Китай старается расширить рынки за пределами своих границ. В частности, правительство заинтересовано в переводе избыточных мощностей китайских трудоемких, с низкой добавочной стоимостью, загрязняющих окружающую среду промышленных предприятий и технологий за рубеж, хотя в прошлом оно поддерживало их, чтобы сохранить свои уровни занятости населения. Однако китайские компании, особенно в традиционных отраслях, имеют сегодня лишь ограниченные возможности для внутреннего развития и ищут новых возможностей за рубежом.⁷

Несмотря на официальную риторику, представляющую Китай как щедрого донора и страну-инвестора, М. Ларуэль из Центрально-Азиатской программы Университета им. Джорджа Вашингтона (Вашингтон, ОК) пришел к выводу, что «ОПОП, в первую очередь, является ответом на внутренние экономические горести Китая, помогая оттянуть тот решающий момент, когда китайскому производству придется перейти от низкочувствительной модели («Мейд ин Чайна») к производственной модели с высокой добавочной стоимостью («Создано Китаем»).»⁸

Очевидно, что подлинная ситуация более многогранна – например, энергетические компании Китая активно строят новые и/или обновляют устаревшие электростанции, работающие на угле. В то же время, Китай экспортирует свое «ноу-хау», опыт и технологии в гидроэнергетике и стремится закрепить за собой видную роль на быстро растущих рынках возобновляемой энергетики в Центральной Азии как мирового лидера в производстве солнечных батарей, имеющего избыток национальных производителей оборудования для солнечной энергетики.⁹

3. Регион характеризуется низким уровнем зарплат, низкой конкуренцией и готовностью правительств предоставлять налоговые льготы и другие субсидии иностранным инвесторам в стратегически важные отрасли промышленности.
4. КНР выстроила свои первые связи с экономикой Центральной Азии много десятилетий назад, и ОПОП представляет собой более новую, продвинутую фазу этого сотрудничества. Данные, собранные и предоставленные Монитором китайских инвестиций в мире¹⁰ Американского института предпринимательства и Фонда «Наследие», позволяют предположить, что за период 2005-2011 годов китайские компании вложили в четыре страны Центральной Азии почти 50 миллиардов долларов США¹¹: 35,58 млрд долларов в Казахстан, 4,73 млрд долларов в Кыргызстан, 2,15 млрд долларов в Таджикистан и 5,79 млрд - в Узбекистан. По данным из другого источника¹², Китай инвестировал в Казахстан более 70 млрд долларов США, что составило около 80% всех его инвестиций в регионе.

Согласно Монитору китайских инвестиций в мире, общий объем китайских инвестиций и контрактов в рамках ОПОП за 2013–2020 годы составил 755,17 миллиарда долларов США (по состоянию на 20 ноября 2020 года), из которых 297 миллиардов было направлено в энергетику, 185,34 миллиарда – в транспортный сектор, 73,22 миллиарда – в недвижимость, 57,44 миллиарда – в производство металлов, 22,58 миллиарда – в сектор коммунальных услуг и 15,67 миллиарда – в производство химикатов.

Для координации своих направляемых за рубеж ПИИ в 2015 году в рамках основной политики Китая в области международной торговли и инвестиций появилось направление Международное сотрудничество в использовании производственных мощностей (ИСС): «Посредством ИСС, производственные мощности направляются за рубеж для создания оффшорных цепочек промышленного производства, контролируемых Пекином, но находящихся за пределами его насыщенных рынков и официальных бухгалтерских книг».¹³

Типология индивидуального подхода Китая к зарубежному кредитованию и инвестированию, опубликованная S. Horn, C. M. Reinhart и C. Trebesch в серии «Рабочие документы» (Working Papers Series) Национального бюро экономических исследований в июле 2019 года, акцентирует прямые займы и ПИИ в отрасли, производящие товары сырьевой группы, транспорт и энергетику как основные инструменты, причем погашение часто подкрепляется дополнительным обеспечением (нефть, медь, часть корпоративной прибыли и т.п.).¹⁴

Два-три года назад Китай начал диверсифицировать свои инвестиции в Центральной Азии, переходя от

крупных инфраструктурных проектов предыдущего периода к обрабатывающим отраслям промышленности.¹⁵ Этот переход имел две движущих силы: во-первых, страны-реципиенты начали больше интересоваться проектами «наращивания промышленного потенциала», которые также давали рабочие места и продукцию на экспорт; и во-вторых, китайские банки, ссужающие деньги, предпочитают распределять сопутствующие риски¹⁶, добиваясь совместного финансирования либо со стороны местных партнеров и/или других стран или международных финансовых организаций. Необходимость хеджирования рисков происходит от недооценки рисков, связанных с реализацией проектов, в условиях роста непредсказуемости деловой среды, главным образом, в Кыргызстане и Таджикистане.

Выделяя существенные средства на ОПОП при отсутствии подлинных конкурентов в инвестиционной и финансовой сфере в регионе, Китай формулирует условия проектов таким образом, который обеспечивает ведущую роль китайских компаний в их реализации.

Большая доля средств, вкладываемых КНР в Центральную Азию, так и не покидает китайскую систему: ссуда, предоставляемая китайским банком Центрально-Азиатскому правительству, реинвестируется в китайскую компанию, которая получает подряд, которая привозит в Центральную Азию китайское оборудование и китайскую рабочую силу для осуществления проекта.¹⁷ Например, межрегиональное исследование ОПОП, проведенное Интернационалом строителей и деревообработчиков (BWI), ссылается на данные о том, что более 60% проектов ОПОП, профинансированных Китаем, присуждаются китайским компаниям.¹⁸

По мнению специалистов, китайская стратегия в Центральной Азии опирается на три принципа: не вмешиваться во внутренние дела стран или в проблемы в их отношениях друг с другом; сосредоточиться на экономическом сотрудничестве; работать над повышением своей репутации.¹⁹ Эта стратегия оценивается как крайне успешная для региона, и Китай стал удобным партнером.

Помимо займов и прямых инвестиций, Китай предоставил Кыргызстану более 300 миллионов долларов США в виде безвозмездной помощи в строительстве дорог и налаживании снабжения удаленных районов питьевой водой.²⁰ Таджикистан получил от КНР 230 миллионов долларов США в виде безвозмездной помощи на проект по обновлению автомобильных дорог.²¹ Можно было бы сказать, что даже если в прошлом дары от Китая и не были своего рода Троянским конем, их никогда нельзя было назвать полностью бескорыстными.

Китай представляет свою помощь как свободную от каких-либо политических условий, по контрасту с помощью, поступающей с Запада и от международных финансовых организаций. Однако Пекин ожидает от

стран-получателей – и особенно от стран Центральной Азии – преданности политике «Единого Китая»²² и участия в «войне против трех зол: терроризма, экстремизма и сепаратизма. Со всем остальным разбираются традиционным для Востока образом: посредством негласных правил».²³

Некоторые эксперты убеждены, что Китай смотрит далеко в будущее: «Пекин инвестирует, следуя собственным долгосрочным экономическим и политическим интересам. Китайские лидеры убеждены, что десятки миллиардов долларов, вложенных ими в Центральную Азию, полностью окупятся в течение этого столетия».²⁴

И наконец, страны региона очень важны для Китая в плане безопасности и военного сотрудничества. Ранее Китай не имел военного присутствия в этом регионе, но ситуация меняется: первая китайская военная база – официально, пограничная застава для таджикских солдат – была построена с использованием китайских средств несколько лет назад на юге страны, недалеко от границ Таджикистана с Афганистаном и Китаем. Правительство Таджикистана и КНР договорилась о строительстве семи погранзастав и учебных центров вдоль таджикско-афганской границы в 2016 году.

Китай проводил военные учения с участием вооруженных сил стран Центральной Азии в течение почти 20 лет. Кроме того, Китай сегодня производит и экспортирует военную технику и проводит военную подготовку в странах Центральной Азии, а также предоставляет помощь в военных технологиях.

Столкновение геополитических интересов в Центральной Азии

Анализируя геополитическую ситуацию в этом регионе, Т. Умаров из Московского центра Карнеги²⁵ отметил множественность значимых игроков, помимо Китая – Россия, США, Европейский Союз, Индия, Япония, Южная Корея и Турция. Центральная Азия всегда старалась соблюдать баланс в своих отношениях с различными внешними игроками. Сегодня страны региона заинтересованы в России как в противовесе китайским интересам.

Россию можно считать главным соперником Китая в Центральной Азии, поскольку она обладает заметным влиянием в целом ряде аспектов. Россия в регионе служит, прежде всего, военным стабилизатором, имея в то же время большое политическое и экономическое влияние. Россия не является для Китая настоящим экономическим конкурентом в регионе – поскольку структура экономики России не позволяет ей стать крупным покупателем сырья у стран Центральной Азии.

Поэтому между Россией и Китаем нет прямого конфликта интересов. Все стороны принимают ситуацию, в которой Россия остается главным гарантом безопасности, тогда как Китай сосредоточен на экономическом развитии.

Соединенные Штаты были важным игроком в регионе, но отказались от проактивной внешней политики в Центральной Азии и сегодня могут лишь реагировать на происходящие там события.

Хотя Европейский Союз является одним из основных инвесторов в экономику Центральной Азии, здесь чаша весов постепенно склоняется в сторону Китая. С целью укрепить отношения со странами региона Евросоюз принял 17 июня 2019 года новую стратегию по Центральной Азии: *ЕС и Центральная Азия: Новые возможности для более прочного партнерства*, которая «сосредоточена на повышении стрессоустойчивости, процветания и регионального сотрудничества в регионе».²⁶

Чтобы дать начало диалогу высокого уровня между ЕС и странами Центральной Азии, Специальный представитель ЕС по Центральной Азии организовал в декабре 2020 года онлайн-экономический форум, *Диалог ЕС-Центральная Азия о партнерстве во имя процветания*, который собрал вместе высокопоставленных представителей Европейской комиссии, заместителей премьер-министров и министров торговли и экономики Центрально-Азиатских стран и почти 200 представителей государственного и частного сектора как из ЕС, так и из стран Центральной Азии.²⁷

Соединенные Штаты и страны ЕС не в состоянии играть роль альтернативы Китаю ни в плане торговли, ни в плане инвестиций. Кроме того, страны Запада не могут обеспечить свое военное присутствие в регионе по двум причинам: во-первых, местные власти относятся к военному присутствию НАТО с осторожностью; во-вторых, такие действия натолкнутся на сопротивление со стороны как Москвы, так и Пекина.

Каковы риски для стран-получателей?

Согласно результатам исследования по китайскому зарубежному кредитованию, о котором говорилось выше, в мире более двух дюжин стран, которые должны китайскому правительству более 10% своего ВВП. Три страны Центральной Азии входят в число 50 получателей прямых займов от Китая с самым высоким уровнем задолженности – Кыргызстан стоит на 5-м месте с долгом в 30,5% от своего ВВП, Таджикистан – на 19-м месте с 16,1%, а Узбекистан занимает 39-ю строчку с 7,5% ВВП.²⁸

В дополнение к вероятности оказаться в долговом капкане, есть и другие риски, связанные с китайскими инвестициями и строительными проектами в Центральной Азии. Crude Accountability, экологическая и правозащитная НПО со штаб-квартирой в американском штате Вирджиния, которая работает с общинами в регионе Каспийского моря, очертила некоторые из них.²⁹ В контексте настоящего исследования сто́ит упомянуть некоторые из них:

- Информация о крупных китайских проектах либо полностью закрыта, либо не содержит деталей о кредитовании проекта, участии сторон проекта в его реализации и дальнейшей эксплуатации объекта, погашении кредита и экономическом и политическом значении проекта.
- Поддержка устоявшейся «сырьевой» экономики в странах региона (это можно было бы описать как «хищническая помощь») ставит под угрозу возможность развития более устойчивого производства в Центральной Азии.
- В регионе существует высокая вероятность финансирования проектов, наносящих ущерб его экономике и экологии.
- «Гонка ко дну», которая еще больше понижает социально-экологические требования ко всем инвесторам в регионе.

- Быстрое расширение присутствия Китая в Центральной Азии вызывает тревогу и способствует росту антикитайских настроений среди населения.

Любая ситуация, при которой указанные выше риски не обсуждаются открыто в обществе, при которой отсутствует государственный контроль за китайскими финансовыми организациями и нет независимого социально-экономического надзора со стороны СМИ и гражданского общества, может способствовать деградации существующих механизмов соблюдения международных норм трудовых отношений. Более того, она способна подорвать работу социально и экологически ответственных предприятий и международных финансовых организаций.

Анализируя последствия ОПОП для безопасности, R. Ghiazu и Jiayi Zhou пришли к выводу, что ОПОП, на самом деле, служит расширению стратегического политического и экономического влияния Китая в странах-участницах.³⁰ Научно-исследовательский фонд «Обсервер», расположенный в Нью-Дели, Индия, описывает ОПОП как «геостратегический и геополитический инструмент», используемый КНР «для укрепления и расширения своих собственных империалистических интересов. ... Посредством дипломатии долгового капкана в рамках ОПОП Китай получил контроль над стратегическими портами, прибыльными горнодобывающими предприятиями и сельскохозяйственными угодьями в ряде стран Центральной и Южной Азии».³¹

Ситуации по странам

Казахстан

Как упоминалось выше, Казахстан является ведущей страной в плане привлечения китайских инвестиций в Центральную Азию. По данным Монитора китайских инвестиций в мире, общий объем китайских инвестиций и контрактов в Казахстане в рамках инициативы ОПОП (с 2013 по 2020 год) составил 18,69 млрд. долларов США. Более половины от этой суммы, 9,53 миллиарда долларов, были направлены в сектор энергетики, 3,81 миллиарда – в транспортный сектор, 2,65 миллиарда – в химическую промышленность и 1,91 миллиарда – в металлургию.

Учитывая, что зависимость Китая от импорта нефти и газа будет продолжать расти, и тот факт, что доля Китая в казахстанском производстве нефти составляет 24%, а в производстве газа – 13%,³² высока вероятность того, что Казахстан (вместе с Туркменистаном) и в будущем останется важным для Китая партнером в экспорте энергоносителей из Центральной Азии.

С другой стороны, каскад из пяти электростанций с установленной мощностью в 480 МВт в Алматинской области считается крупнейшим гидроэнергетическим проектом Китая в Центральной Азии. Об этой сделке стоимостью в 1,5 миллиарда долларов США было объявлено в декабре 2018 года, однако финансирование было согласовано с китайскими банками только к концу лета 2020 года.³³

Правительство Казахстана говорит о более чем 50 китайских инвестиционных проектах (совместные казахско-китайские предприятия в горнодобывающей, химической и нефтехимической промышленности, помимо прочих) с 2015 года. Несмотря на неоднократные просьбы экспертов в области международной политики и активистов-экологов о публикации этого списка, правительство на протяжении нескольких лет отказывалось это сделать, ссылаясь на коммерческую тайну в отношении этих проектов. Наконец, АО Kazakhstan Invest, созданное в 2017 году в качестве преемника Национального агентства по инвестициям и экспорту KAZNEX INVEST, представило в сентябре 2019 года обзор 55 совместных казахско-китайских проектов общей стоимостью 27,6 миллиарда долларов США, которые осуществляются в стране с 2015 года. Из них 15 проектов уже завершены, 11 продолжаются и 29 рассматриваются.³⁴

Основной акцент сделан на нефтегазовую отрасль, где создано много совместных предприятий с участием китайских акционеров. Основным действующим лицом является третья по величине в мире нефтяная компания Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC), которая имеет активы и интересы более чем в 30 странах по всему миру. CNPC приобрела долю в казахстанской компании Актөбемұнайгаз в 1997 году и владеет 85,42% акций этой компании. В дополнение к ряду проектов по разработке нефтяных месторождений в стране CNPC участвует в строительстве двух нефтепроводов (один из них Казахстан-Китай), а также в строительстве газопровода Казахстан-Китай.

Актөбемұнайгаз действует в северном Казахстане. В компании трудятся около 6 300 постоянных работников, из них 88 человек из Китая (до пандемии Covid-19 в 2020 году китайцев насчитывалось 124 человека). По сообщениям, профсоюз имеет хорошие отношения с работодателем, подписав с 2020 года 8 коллективных договоров. Действующий колдоговор подписан на 4-летний период (2017 – 2020).

Одним из дочерних предприятий CNPC в Казахстане является ПетроКазахстан, группа компаний, принадлежащая CNPC (67%) и национальному АО КазМунайГаз (33%). ПетроКазахстан занимается приобретением, разведкой, разработкой нефтегазовых месторождений и добычей нефти и газа, особенно на месторождении Кумколь в Кызылорде (на юге страны), а также продажей нефти и продуктов нефтепереработки.

В интервью утверждалось, что, возможно, существует некое негласное соглашение между инвесторами и властями, поскольку и те, и другие, похоже, заинтересованы в сохранении статуса кво, при этом рассматривая профсоюзы как препятствие к извлечению прибыли. Представители властей явно пытаются угодить CNPC как инвестору, имеющему огромное значение. Трудно, если не невозможно, оценить ту степень, в которой государственная власть осуществляет надзор за деятельностью компаний с долей иностранного капитала – особенно во время пандемии, когда были приостановлены все надзорные действия инспекции труда по экологическим и другим вопросам.

По сообщениям, китайские инвесторы, в общем и целом, поддерживают минимальный уровень условий труда, установленный в Трудовом Кодексе Казахстана. Утверждалось, что иностранные инвесторы удовлетво-

рены трудовым законодательством, которое устанавливает гарантии и льготы для трудящихся на существенно более низком уровне по сравнению с более развитыми в промышленном отношении странами. Заключение письменных трудовых договоров представляется обыденной практикой в китайских компаниях, хотя составляются они по принципу «один размер всем впору». Профсоюзы считают это недостаточным, поскольку трудовое законодательство больше ориентировано на удовлетворение потребностей работодателя, и поэтому минимальные нормы не обеспечивают должной защиты трудящихся. Однако есть сообщения о случаях, когда некоторые китайские компании выплачивают 70% тарифной ставки за простой вместо 50%, требуемых по закону.

ФПРК (Федерация профсоюзов Республики Казахстан) представила список из 204 китайских компаний, действующих в Казахстане, из которых 24 имеют первичные профсоюзные организации, входящие в отраслевые федерации профсоюзов, являющихся членскими организациями ФПРК. Профсоюзы нефтегазовой отрасли, где много совместных предприятий с китайскими акционерами, испытывают на себе огромное давление. Руководство этих компаний ведет себя сдержанно, если не враждебно, по отношению к профсоюзам, заявляя, что в Китае профсоюзов нет и что менеджмент поэтому не привык к диалогу с представителями работников и не видит никакой ценности в социальном партнерстве.

Представляется, что ситуация выглядит немного лучше в компаниях, созданных десятки лет тому назад, когда профсоюзы были реальностью, несмотря на то, что китайские инвесторы впоследствии приобрели в них долю акций. И напротив, довольно сложно создать профсоюз в недавно появившихся компаниях с иностранным капиталом.

Присутствие профсоюзов в китайских компаниях в нефтегазовом секторе сильно различается в зависимости от региона. Профсоюза нет ни в одной из четырех китайских компаний в Мангистауской области, в 6 из 9 компаний в Кызылординской области, в 9 из 15 компаний в Актюбинской области, но лишь в 1 из 15 компаний в Атырауской области.

Сообщают о случаях, когда профсоюзных представителей не допускали на территорию компании. Еще одним препятствием представляется сложная процедура регистрации профсоюзных организаций, а если власти отказываются зарегистрировать профсоюз, то руководство компании получает официальный повод избегать любого взаимодействия с выборными профсоюзными представителями.

В прошлом, китайские компании предпочитали нанимать работников из Китая, в том числе и на рабочие места, требующие относительно низкой квалификации,

например, водителей, поваров и т.п. Тому было несколько причин – возможность уходить от применения казахстанского трудового законодательства, сведение к минимуму контактов с местными органами власти и местным населением, гарантия крайне послушной рабочей силы и т.д.

Министерство труда и социальной защиты населения вместе с Государственной прокуратурой проводило инспектирование компаний на предмет соблюдения ими положений национального законодательства, регулируя наем рабочей силы из-за рубежа, равенство выплачиваемых зарплат и т.п..

Власти Казахстана, после обсуждений с социальными партнерами, позже потребовали, чтобы инвесторы нанимали 70% своей рабочей силы в Казахстане. *Акиматы* – органы государственного управления на областном, районном и местном уровне – отвечают за контроль за ситуацией в области занятости и наложение санкций в случае нарушения применимых законов. Тем не менее, похоже, есть так называемые «закрытые» компании в нефтегазовом секторе, где большинство работников прибыли из Китая. Предлогом для несоблюдения действующих правил является отсутствие работников с необходимой квалификацией в Казахстане. Руководящие органы профсоюзов не обсуждали вопросы, связанные с использованием иностранной рабочей силы – это предоставлялось трехсторонним органам областного уровня.

Главным вопросом для работников остаются зарплаты. Вся информация по деловым показателям деятельности иностранных компаний объявлена конфиденциальной и профсоюзам не предоставляется. Тарифы устанавливаются работодателем и должны согласовываться с профсоюзом (на самом деле они им просто принимаются). После чего такой документ добавляется к колдоговору в качестве дополнения. Профсоюзы за пределами традиционных структур несколько лет назад были исключены из процесса коллективных переговоров.

Разницы в зарплатах в зависимости от компании и области огромны. Уровни зарплат в Северном Казахстане (Актобе) составляют лишь 25-30%, в некоторых случаях 50% от зарплат в Западном Казахстане. Работники нефтедобывающих компаний также жалуются на более низкие зарплаты в сравнении с предприятиями нефтепереработки. Предположительно, не существует прямой связи между зарплатами, с одной стороны, и затратами, ценами и объемом производства, с другой. В то же время, говорят, что в некоторых компаниях в 2020 году зарплаты не повышались из-за снижения объемов производства/добычи.

Зарплаты были серьезным вопросом, которого коснулся Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев на встрече с председателем совета директоров CNPC в ноябре 2019 года. Президент настоятельно попросил, чтобы руководство компании повысило зарплаты и выровняло уровни зарплат местных работников и работников, нанятых за рубежом.³⁵ Согласно профсоюзам, упоминалось повышение зарплат на 30%, но компания применила эту надбавку только к базовой ставке и не стала применять ее к остальным выплатам, часто составляющим две трети от общей зарплаты работников.

Положение Трудового Кодекса о ежегодной индексации зарплат было отменено несколько лет назад, поскольку у правительства не было денег на повышение зарплат в государственном секторе. Работодатели последовали примеру государственной власти и убрали соответствующие положения из коллективных договоров. Во время трехсторонних переговоров по заключению Генерального соглашения на последующие три года все три национальных профцентра, участвовавших в этом процессе, предложили восстановить ежегодную индексацию зарплат в Трудовом Кодексе, поскольку потребительские цены каждый год вырастают на 5-7%.

Не сообщается о проблемах в отношении продолжительности рабочего времени, задолженности по зарплате и ежегодных оплачиваемых отпусков. Работа в нефтегазовой отрасли ведется методом вахтовых ротаций, когда работников доставляют в лагерь и из лагерей самолетом. Обычно вахта проводит в лагере 14 дней, во время пандемии период ротации был увеличен до 28 дней.

Большинство индивидуальных трудовых споров, которыми занимаются профсоюзы, связаны с восстановлением незаконно уволенных работников. Суды передают эти иски на рассмотрение согласительных комиссий на уровне компании, где, несмотря на присутствие рабочих представителей, доминирует точка зрения работодателя. Рассмотрение дел в суде обычно растягивается на несколько лет.

Способность трудящихся проводить коллективные действия против нарушений прав профсоюзов или индивидуальных трудовых прав работника свелась почти к нулю во время пандемии Covid-19, когда были запрещены все публичные собрания и встречи. Нарушение запрета могло привести к аресту на срок до 15 суток и, как следствие, к увольнению с работы.

Следует упомянуть, что, согласно стратегии диверсификации инвестиций, китайские компании в последние годы расширили сферу своей деятельности на сельское хозяйство. Например, из 22 китайских компаний, активно действующих в Акмолинской области, 17 работают в сельском хозяйстве, так же как и 22 из 59 китайских компаний в Восточном Казахстане.³⁶

В то же время, расширяющееся присутствие китайских компаний в Казахстане ведет к росту напряженности в обществе. Казахстан столкнулся с неожиданными протестами, вызванными внесением поправок в Земельный Кодекс в 2014 году, которые должны были вступить в силу в июне 2016 года. Предложенные изменения позволили бы иностранцам арендовать сельскохозяйственные угодья на срок до 25 лет (вместе 10, как было раньше). Многие восприняли эти изменения как меру, которая призвана помочь китайским компаниям установить свой контроль над землей. В 2016 году прошли массовые протесты против «продажи фермерских земель иностранцам», которые заставили правительство отложить вступление в силу новых поправок до 2021 года.³⁷ Предполагается, что более широкой причиной этих протестов является страх перед усилением китайского влияния на экономику страны.

Кыргызстан

В 2019 году в Кыргызстане действовало около 400 китайских компаний и 170 китайско-кыргызских совместных предприятий.³⁸ Китайские инвестиции и контракты в Кыргызстане с 2013 года оцениваются в 4,34 миллиарда долларов США, из которых 2,5 миллиарда была направлены в сектор энергетики, 1,69 миллиарда – в транспортный сектор и 150 миллионов в металлургию.³⁹

На китайские компании приходится около трети всех иностранных инвестиций в страну, по данным правительственного агентства Кыргызстана, опубликованном в феврале 2020 года.⁴⁰ В то же время, следует упомянуть, что китайские инвестиции в Кыргызстан в последние годы иссякли. Очевидно, что иностранные компании тревожат безопасность своих инвестиций из-за растущих политических волнений и эскалации вызовов для ведения своей деятельности.⁴¹ Законодательная инициатива 44 членом кыргызского парламента, Верховного Совета, от июня 2020 года по запрещению инвестиционных контрактов (которые должны были гарантировать права инвесторов на использование земли и недр) в горнодобывающем секторе⁴² является еще одним признаком растущей неопределенности.

Хотя правительство ссылается лишь на ограниченные и незначительные нарушения контрактов китайскими инвесторами, отношение населения к ним можно описать как недоверие, которое привело к ряду протестов против китайских компаний,⁴³ включая прекращение работы на их предприятиях. Не удивительно, что китайские инвесторы отказались от плана построить торговый и логистический центр в Нарынской области стоимостью примерно 280 млн долларов США⁴⁴ в феврале 2020 из-за ухудшения деловой конъюнктуры.

Есть еще одна причина снижения инвестиций – тревога правительства Кыргызстана по поводу долгового бремени, учитывая, что 45% внешних кредитов Бишкека (стоимостью 1,7 млрд долларов США) получены от Китая.⁴⁵ По дальнейшим инвестициям, планировавшимся горнодобывающем секторе (карьеры и рудники), логистике и транспорте и в сельском хозяйстве, решения пока так и не приняты, хотя правительство выразило серьезную заинтересованность в превращении страны в цифровой центральный узел региона путем подключения к оптоволоконным линиям связи китайского Цифрового Шелкового пути⁴⁶ всего несколько лет назад.

Китайское ООО Sino-Pipeline International Company начало в 2019 году строительство Кыргызского участка четвертой линии (нитка D) газопровода Центральная Азия-Китай. Два нефтеперегонных завода – в Кара-Балте (производственной мощностью около 800 000 тонн в год) и Токмоке (450 000 тонн) – были построены китайскими компаниями на севере страны. Из-за нехватки сырой нефти ни одно из этих предприятий не работает на полную мощность. Карабалтинский НПЗ приостановил работу, когда разразилась пандемия Covid-19. Перед остановкой производства на заводе трудилось около 775 человек – 500 местных работников, остальные из Китая.⁴⁷

По сообщениям, на рудниках и карьерах Кыргызстана работают 11 компаний, в каждой из которых трудятся по 500 и более человек. Четыре компании принадлежат китайским инвесторам. Zijin Mining Group, китайской ТНК, третьей по величине в мире среди золотодобывающих компаний, принадлежат 60% акции ООО Алтынкен, оператора месторождения Талдыбулак Левобережный, третьего по величине золотого рудника в Кыргызстане. Талдыбулак Левобережный начал коммерческую добычу в июле 2015 года и в 2019 году произвел 133 335 унций золота.⁴⁸ Агентство по поддержке и защите инвестиций Кыргызстана подписало в июне 2019 года рамочное соглашение с компаниями Daren Group, Lingbao Gold Group и Full Gold Mining о строительстве нового золотоизвлекательного предприятия.⁴⁹

По словам Э. Таджибаева, председателя профсоюза горняков и металлургов Кыргызстана, профсоюзы присутствуют в трех из четырех китайских компаний, объединяя около 90% их работников. Однако трудно создавать профсоюзы в компаниях-субподрядчиках, поскольку они работают относительно короткий период (от шести до двенадцати месяцев), особенно потому, что китайские инвесторы предпочитают по возможности находить субподрядчиков из числа китайских компаний.

Создание профсоюза в компании с китайскими инвесторами не описывалось как проблематичное. Хотя работодатели это не поддерживают, они не препятствуют профсоюзному объединению работников. Поскольку среди работников, нанятых из числа местных жителей, квалифицированные работники составляют значитель-

ную долю, работники китайских компаний знакомы с профсоюзами. Тем не менее, многие из них считают уплату профсоюзных взносов демотивирующим фактором для вступления в профсоюз.

Хотя, по закону, профсоюз является юридически компетентным органом и полномочен действовать с момента своего основания, компании, принадлежащие китайским инвесторам, не хотят признавать профсоюзные организации до их официальной регистрации.

Несколько лет назад на управляемом китайцами золотом руднике «Орловка» прошло несколько протестов местного населения, потому что компания не соблюдала постановление правительства Кыргызстана нанимать не менее 90% своих работников из числа местных жителей. Другие требования включали равенство зарплат и введение трудовых договоров, отвечающих требованиям Трудового Кодекса Кыргызстана, для всех местных и иностранных работников.

Одной из отговорок, которые компания использовала, чтобы оправдать неравенство в зарплатах, было то, что работники из Китая находятся далеко от своего дома и семей, что делает их положение несравнимым с условиями занятости местной рабочей силы. Профсоюзы обратились по этому поводу с протестом в местные органы власти, в Трудовую инспекцию и в Министерство труда, занятости и миграции.

Китайские работодатели не хотят ни платить надбавки в зарплатах (за работу в ночную смену или в условиях, вредных для здоровья работников), ни повышать сами зарплаты (в случае работы в высокогорных районах или работы вахтовым методом с вылетом в лагерь), как того требует Трудовой Кодекс. В качестве одного из оправданий отказа соблюдать законодательство приводился довод, что зарплаты местных работников в любом случае гораздо выше средней зарплаты по стране. Профсоюзы считают, что надбавки должны выплачиваться без всяких исключений, даже если это приведет к снижению тарифов.

Инвесторы утверждают, что они привыкли работать по китайскому трудовому законодательству, которое предполагает более низкие нормы и гарантии для работников. Другой аргумент, которые они приводят, заключается в том, что китайские работники соглашались с распоряжениями работодателя или с условиями труда, установленными в компании. Китайские инвесторы жалуются, чтобы работники не хотели отрабатывать 12-часовые смены (вместо 8 часов) и не соглашались с 15-минутными перерывами на обед.

Для профсоюзов вызовом остается незаконное увольнение работников. Например, инвесторы часто пытаются избавиться от работников, требующих соблюдения трудового законодательства. Если коллективного до-

говора в компании нет или существующий колдоговор не предполагает создания согласительной комиссии с участием профсоюзных представителей, обращение в суд, которое рассматривается очень долго, остается единственным способом оспорить незаконные увольнения.

Таджикистан

По данным Монитора китайских инвестиций в мире, единственной китайской инвестицией в Таджикистане со времени объявления инициативы ОПОП являются 540 млн долларов США, вложенные в металлургический сектор (в 2019). Некоторые местные источники информации ставят общий объем китайских инвестиций в Таджикистане на уровень 2,03 млрд долларов США (по состоянию на апрель 2019 года)⁵⁰, тогда как доля КНР во внешней задолженности страны превышает 50%.⁵¹ В Таджикистане зарегистрировано более 300 компаний с китайским капиталом. Большинство этих инвестиций направлены в энергетику, текстильную промышленность, рудники и карьеры, сельское хозяйство и нефтепереработку.

По оценкам Всемирного Банка, страна имеет значительный потенциал для экспорта металлов и минералов, и большая часть территории Таджикистана остается неразведанной, а большинство известных запасов природных ресурсов не разрабатываются надлежащим образом.⁵² Неудивительно, что горнодобывающий сектор представляется приоритетной отраслью для китайских ПИИ, которые направляются на геологоразведку и добычу руд металлов, а также на металлургические заводы для их переработки.⁵³

Из-за трудностей с выплатой полученных ссуд и грантов Таджикистан применяет схему «инвестиции в обмен на доступ к природным ресурсам», часто именуемую «хищнической» или «колониальной», поскольку запирает страну в роли экспортера сырья. Тем не менее, доля горнодобывающего сектора (рудники и карьеры) в национальном ВВП Таджикистана взлетела до 24,8% в 2018, в сравнении со всего 1% в 2000 году.⁵⁴

Более 10 компаний занимаются добычей драгоценных металлов в Таджикистане, крупнейшей из которых является таджикско-китайское совместное предприятие Zerafshan Gold Company. На нее приходится около 70% общей добычи золота в стране, и компания владеет правами на добычу полезных ископаемых на площади в 300 000 гектаров в северном Таджикистане. Китайская Zijin Mining Group владеет 75% акций этого совместного предприятия, которая разрабатывает несколько месторождений (Тарор, Джилау, Чоре). Помимо этого, Пакрутское золоторудное месторождение разрабатывается ООО China Nonferrous Gold.⁵⁵

TALCO Gold является совместным предприятием, созданным государственной алюминиевой компанией Таджикистана (TALCO) и китайской компании Tibet Huayu Mining. Каждый партнер владеет 50% акций разрешенного капитала, инвестировал 200 млн долларов США для ежегодного производства 2,2 тонн золота и 16 000 тонн сурьмы.⁵⁶ Это сделает TALCO Gold второй по величине золотодобывающей компанией Таджикистана. По данным Агентства Рейтер, начало коммерческого производства золота и сурьмы запланировано на март 2020 года,⁵⁷ ставится цель со временем выйти на производство десятой доли всей сурьмы в мире. В сочетании с собственными добывающими предприятиями в других странах это дало бы компании Tibet Huayu Mining 27% мирового рынка сурьмы. Однако запуск производства был отложен как минимум на три месяца, поскольку Таджикистан закрыл границы и приостановил выдачу разрешений на работу иностранцам ввиду вспышки коронавируса.⁵⁸

Если говорить о таджикско-китайских совместных предприятиях, то китайский партнер обычно берет на себя большую долю капитальных инвестиций, а таджикская сторона организует получение разрешения на землю и утверждение сделки регулирующим органом. Часто таджикское правительство предлагает китайским инвесторам налоговые льготы или бесплатные земли.⁵⁹

Все частные инвестиции требуют утверждения правительством. По информации таджикского правительства, китайские компании отбираются как партнеры в горнодобывающем секторе, поскольку это приносит пользу. В то же время, многие наблюдатели придерживаются мнения, что законы об инвестициях применяются непоследовательно.⁶⁰ В октябре 2019 года поступили сообщения о нескольких примерах освобождения от налогов, предоставленного парламентом Таджикистана китайским фирмам, инвестирующим в страну.

ТВЕА, компания, занимающаяся электроэнергетическим строительством и возобновляемой энергетикой, получила щедрые налоговые льготы на оборудование и технологии, импортируемые для разработки двух месторождений золота, «Верхний Кумарг» (Согдийская область) и «Восточный Дуоба» (Айнинский район).⁶¹ Концессии на разработку этих месторождений были предоставлены таджикским правительством этой компании на срок, необходимый для возврата инвестиций в размере 331 млн. долларов США (льготный кредит Эксимбанку) на строительство электростанции мощностью 400 мегаватт в Душанбе.⁶²

Компания Kashgar Xinyi Dadi Mining Investment в июне 2018 года подписала 20-летний контракт на разработку месторождения серебра «Якджилва» в удаленном восточном Мургабском районе. Контракт предполагает возможность продления этого срока по согласию сторон. В течение первых семи лет своей деятельности по разработке месторождения китайская компания будет

освобождена от налогов на свои доходы и от любых таможенных сборов по ввозимому ею в Таджикистан оборудованию.⁶³

По сообщениям, горнодобывающие компании, принадлежащие китайским инвесторам, остановили свою деятельность в начале 2020 года из-за пандемии Covid-19. Однако часть рабочей силы вернулась в Китай еще до конца 2019 года, а оставшиеся работники потребовали возвращения к своим семьям в Китае в январе 2020 года. Поскольку таджикское правительство отменило все виды транспорта – воздушный, железнодорожный и автомобильный – для трансграничного передвижения людей, китайские рабочие не смогли вернуться в Таджикистан.

ООО Trans-Tajik Gas Pipeline является совместным предприятием CNPC и Таджитрансгаза, созданным в 2014 году. Оно строит таджикский участок четвертой линии (нитка D) газопровода Центральная Азия-Китай.

Китайские компании или совместные таджикско-китайские предприятия производят почти 100% цемента в Таджикистане, при этом производство цемента в стране выросло с 2013 по 2018 год в десять раз.⁶⁴

Как упоминалось выше, Китай заинтересован в экспорте своего ноу-хау и опыта в различных областях сектора энергетики. В начале 2020 года КНР достигла соглашения с Таджикистаном о двухэтапном проекте стоимостью 550 млн. долларов США по строительству электрогенерирующих мощностей объемом 275МВт на реке Зарафшан, которые, как планируется, будут снабжать электроэнергией и Таджикистан, и Узбекистан.⁶⁵

Один из трех маршрутов коридора Китай-Центральная Азия-Западная Азия в рамках ЭПШП, который соединяет КНР с Ираном и Западной Азией, проходит по территории Таджикистана, где транспортная инфраструктура относительно слабая и больше опирается на автомобильный транспорт, чем на железные дороги из-за гористого рельефа местности в стране. Не удивительно, что такие компании как «Китайская компания по строительству дорог и мостов» (дочернее предприятие крупной государственной «Китайской компании по строительству коммуникаций»), ООО Sinohydro (государственная гидроэнергетическая инженерно-строительная компания), и Группа компаний «Китайские государственные железные дороги» активно занимаются восстановлением дорог и строительством тоннелей в Таджикистане.

Согласно данным, предоставленным Федерацией независимых профсоюзов Таджикистана (ФНПТ), профсоюзы присутствуют примерно на 50 из более чем 300 компаний, где китайские инвесторы выступают акционерами. Таким образом, можно предположить, что есть, как минимум, несколько предприятий, где ведется социальный диалог.

Насчитывается около 10 проектов по строительству дорог и/или мостов, финансируемых международными (Азиатский банк развития) или китайскими банками. Китайские государственные компании или их дочерние предприятия (корпорация Sinohydro, Китайская корпорация по строительству дорог и мостов и др.) выиграли большинство международных тендеров. Более того, ряд таджикско-китайских и таджикско-турецких совместных предприятий имеют субподряды на дорожные строительные работы.

В этих компаниях профсоюзов нет, они есть только в головной компании, где работают 60–80 «белых воротничков» (ИТР и т.п.). Китайские компании утверждают, что для профсоюзов и коллективных переговоров нет места, поскольку все условия, касающиеся реализации проектов, определены в контрактах, подписанных между правительствами двух стран, и компаниям не разрешается выступать с какой-либо инициативой без разрешения китайского правительства. Таким образом, коллективные переговоры в секторе дорожного строительства не ведутся с 2018 года. Профсоюзы обратились в министерство за поддержкой в деле профсоюзного объединения работников китайских компаний в стране, но пока безрезультатно.

По сообщениям, китайские работодатели не относятся к профсоюзам дружелюбно и по возможности предпочитают уклониться от переговоров с представителями работников. Некоторые из китайских менеджеров заявляют, что в Китае нет ни трудового кодекса, ни профсоюзов, и они хотели бы управлять работой компаний в Таджикистане так, как они привыкли это делать у себя дома. Чтобы изменить отношение инвесторов, ФНПТ обратилась в министерство иностранных дел Таджикистана, попросив его оказать влияние на китайские компании через посольство КНР в Душанбе.

Одной из принятых мер был перевод Трудового Кодекса Таджикистана на китайский язык, чтобы помочь компаниям применять местное трудовое законодательство в своей деятельности. Несоблюдение законов о труде является постоянным источником тревоги для профсоюзов. Инвесторы не соблюдают положения законодательства, касающиеся гарантий занятости и оплаты больничных, отпуска по беременности и родам, ежегодного отпуска и т.п. Чтобы повысить уровень соблюдения инвесторами трудового законодательства, представители отраслевых профсоюзных федераций и профцентра посещают компании китайских инвесторов, чтобы разъяснить права трудящихся и профсоюзов.

В 2016 году Таджикистан принял новый *Закон об Инвестициях*. Его Глава 4 озаглавлена *Требования к инвесторам* и содержит 3 статьи: *Обязательства Инвестора; Трудовые отношения с гражданами Таджикистана; Права и обязанности Инвестора в отношении найма иностранной рабочей силы*. Их содержание довольно широко и не устанавливает конкретных положений,

например, допустимых пороговых значений для найма работников из-за рубежа.

В проведенных интервью указывалось, что требование правительства Таджикистана о том, что 70% рабочей силы компаний иностранных инвесторов должны наниматься внутри страны, в целом, соблюдается, и за последние несколько лет не отмечалось системных или массовых нарушений этого положения.

Согласно инвестиционным контрактам, подписанным правительством Таджикистана после 2018 года, не менее 80% работников для выполнения этих проектов должны наниматься на местах. По сообщениям, фактический показатель в секторе дорожного строительства составил 82% в прошлом году и 86% на ноябрь 2020 года.

Объясняя разные уровни зарплат для китайцев и местных работников, существовавшие раньше, менеджеры, как сообщают, ссылались на тот факт, что зарплаты для местных работников были вдвое выше минимального уровня оплаты труда в стране. После вмешательства министерства финансов этот вопрос был разрешен. В прошлом сообщалось о задержках с выплатой зарплат, но это пока не стало системной проблемой.

Узбекистан

По данным Монитора китайских инвестиций в мире, китайские инвестиции и контракты в Узбекистане за период с 2013 по 2020 год составили в целом 2,24 млрд долларов США, в том числе 720 млн долларов было вложено в недвижимость, 560 млн. долларов – в транспорт, 440 млн долларов – в химические отрасли и 340 млн долларов – в энергетику. Источники в Узбекистане утверждают, что китайские ПИИ за последние три года составили 3,9 млрд долларов США⁶⁶, и правительство нацелено на повышение ежегодных инвестиций со стороны КНР до 5 млрд долларов к 2025 году.⁶⁷

На начало 2020 года в Узбекистане действовали 1652 предприятия с китайскими инвестициями (16% от общего числа). Из них 531 было создано в 2019 году; более 120 компаний имеют 100% китайского собственного капитала.⁶⁸ По данным Федерации профсоюзов Узбекистана (ФПУз), профсоюзы есть лишь в 15 китайских предприятиях.

С целью привлечения ПИИ Узбекистан создал Агентство по привлечению иностранных инвестиций и освободил резидентов Свободных экономических зон⁶⁹ от всех видов налогов на период в 10 лет, если инвестиции превышают 10 млн долларов США, на 7 лет для инвестиций от 5 до 10 млн долларов, на 5 лет для инвестиций от 3 до 5 млн долларов и, наконец, на 3 года для инвестиций от 0,3 до 3 млн долларов. Чтобы более тесно

работать с потенциальными китайскими инвесторами, правительство Узбекистана приняло в декабре 2019 года решение открыть представительство узбекского Министерства инвестиций и внешней торговли в Китае.⁷⁰

Узбекистан, как и многие другие страны, начал сотрудничество с Китаем с продажи так называемых «стратегических видов сырья» (природного газа, меди, хлопковолокна, минеральных удобрений). Другой упор был сделан на транспорт газа. Хотя объем собственных углеводородных ресурсов Узбекистана не очень примечателен, страна играет важную роль в транзите газа из Туркменистана в Китай. В дополнение к действующему газопроводу через Казахстан есть планы строительства нового отрезка газопровода из Туркменистана в Китай протяженностью 210 км, нитки D.

Акцент также сместился в сторону вопросов (транспортной) сопряженности и энергетики. Например, Китайская группа компаний по строительству ж/д тоннелей усовершенствовала участок железной дороги Андижан-Пап-Ангрен-Ташкент (один из маршрутов ЭПШП), построив 19-километровый Камчикский тоннель и электрифицировав железнодорожные пути в 2013 – 2016 годах. В октябре 2020 года было открыто регулярное железнодорожное сообщение между провинцией Хэбэй (по соседству с Пекином) и Ташкентом, предполагая отправление не менее 12 поездов в неделю из Хэбея.⁷¹

Растущие инвестиции Пекина в проекты, связанные с промышленностью, транспортом, электросвязью, фармакологией, сельским хозяйством и управлением водопользованием являются отличительной чертой узбекско-китайского экономического партнерства. Для Узбекистана эти новые тенденции являются частью его стремления к деколонизации, имеющего целью перевод экономики, опирающейся на экспорт природных ресурсов, на экспорт продуктов с высокой добавочной стоимостью.

Китайские компании принимают участие в создании совместных высокотехнологичных промышленных парков в Узбекистане. В конце августа 2019 года правительства обеих стран подписали соглашение о создании совместного инвестиционного фонда с разрешенным капиталом в 1 млрд долларов США, ориентированный на высокотехнологичные проекты на предприятиях химической и нефтехимической отраслей и производственных объектах нефетгазозового сектора Узбекистана.

Важным сектором в двухстороннем сотрудничестве становятся телекоммуникации. В апреле 2019 года Узбекистан подписал соглашение на 1 млрд долларов США с дочерней компанией государственной группы компаний CITIC и с компанией Huawei⁷², чтобы приступить к развитию цифровой инфраструктуры для прави-

тельствующих агентств Узбекистана и трансформировать потенциал местных правоохранительных органов в области наблюдения. В 2019 году Узбекистан также предоставил ссуду в 150 млн долларов США на приобретения технологии Huawei для обновления существующих цифровых сетей.

Перечень перспективных проектов узбекско-китайского сотрудничества включает строительство электростанций и ветровых электрогенераторов в Навои, Самарканде и Бухаре (720 млн долларов США), добычу углеводородов (600 млн долларов), дальнейшее развитие транспортного коридора Узбекистан-Кыргызстан-Китай, строительство железных дорог, создание логистических центров на маршруте Андижан-Ош-Иркештам-Кашгар и строительство Камчикского автомобильного тоннеля (2 x 6,5 км).⁷³

Что касается проектов в области транспортной сопряженности, Узбекистан не заинтересован в том, чтобы просто играть роль транзитной территории для китайских промышленных товаров; он стремится стать промышленным и транспортным узлом для других стран Центральной Азии и Афганистана.

Инвестиции со стороны КНР более популярны в Узбекистане по сравнению с соседними Казахстаном и Кыргызстаном – вероятно, потому, что Узбекистан активно ведет бизнес с Китаем относительно недавно, с той поры, когда в сентябре 2016 года новое руководство страны начало реформирование экономики. Согласно опросам Центрально-Азиатского Барометра⁷⁴, 65% респондентов в Узбекистане в 2019 году «решительно поддерживали» китайские инвестиции в развитие национальной энергетики и инфраструктуры. Соответствующие цифры в Казахстане и Кыргызстане составили 7% и 9%, соответственно. В 2020 году доля решительных сторонников в Узбекистане упала до 48%. В то же время, был отме-

чен существенный рост – с 7 до 25% – доли узбекских респондентов, которые были «очень обеспокоены» тем, что китайские проекты в области развития могли привести к росту внешней задолженности страны.

Что касается состояния социального партнерства на китайских предприятиях в Узбекистане, то ситуация выглядит в определенной степени противоречивой. Несмотря на весьма впечатляющее число китайских компаний, действующих в Узбекистане, лишь около 1% из них имеют профсоюз – даже несмотря на то, что новый Закон о Профсоюзах, вступивший в силу в марте 2020 году, упростил регистрацию первичных профсоюзных организаций. В то же время, сообщается, что китайские работодатели не проявляют враждебности по отношению к профсоюзам и подписывают коллективные договоры, если профсоюз в компании был создан.

ФПУз за последние три года не получала от своих членских организаций никакой информации касательно трудовых конфликтов и индивидуальных трудовых споров в китайских компаниях. По сообщениям, китайские инвесторы соблюдают требования узбекского трудового законодательства; разница в зарплатах между иностранными и местными работниками существует, но не считается особой проблемой, которой нужно заниматься.

ФПУз не обсуждала вопросы, связанные с китайскими инвесторами, поскольку первичные/отраслевые профсоюзные организации находятся в прямом контакте с работодателями на уровне компании при обсуждении условий труда. Не удивительно, что профсоюзы не считают китайских инвесторов и ОПОП особым вызовом для себя, который мог бы привести к каким-то негативным последствиям. Вероятнее всего, это связано с официальной политикой по привлечению ПИИ для создания рабочих мест и ускорения экономического роста.

Выводы

Все страны Центральной Азии реализуют меры по **привлечению дополнительных ПИИ**, при этом их зависимость от Китая можно было бы описать как «инвестиции в силу отчаяния», по крайней мере, в некоторых случаях.

Существует **дефицит находящейся в открытом доступе информации**, связанной с китайскими инвестициями, как на уровне экономики в целом, так и на уровне компаний. Чтобы получить какие-либо подробности по конкретному инвестиционному проекту или компании, обычно необходимо подавать специальный запрос в соответствующие органы власти, которые примут решение, какого рода информация будет предоставлена и в каком объеме. На уровне предприятия профсоюзы не имеют доступа к данным о показателях эффективности работы, так как вся информация является конфиденциальной.

Работодатели в иностранных компаниях стараются вести свой бизнес в Центральной Азии так, как они привыкли это делать дома. При отсутствии эффективно-го давления со стороны профсоюзов или работников, **доминирующим подходом иностранных инвесторов, похоже, является соблюдение лишь минимальных норм местного трудового законодательства.**

Представляется, что руководство китайских компаний **неохотно идет на социальное партнерство** и предпочитает не вести диалог с профсоюзами – особенно на недавно созданных предприятиях.

Ситуация с **созданием профсоюзов в китайских компаниях сильно различается** в зависимости от страны, отрасли и компании.

Страны постепенно ввели **минимальные квоты найма местных работников** – около 70-90% в зависимости от страны и отрасли, – которые не всегда соблюдаются.

Очевидно, что работодатели **предпочли бы сохранять для работников из Китая более высокие зарплаты** по сравнению с зарплатами работников, нанимаемых на местах, приводя самые разные доводы – например, что уровень зарплат местной рабочей силы вдвое выше официальной минимальной зарплаты, что китайские работники находятся далеко от дома и семьи, тогда как местные работники имеют нормальную семейную жизнь и т.п.

Профсоюзы находятся в относительно слабой позиции на переговорах по заключению коллективных договоров, потому что (а) зарплаты/тарифы не являются предметом переговоров, а устанавливаются работодателем самостоятельно; (б) профсоюзы не имеют необходимой информации для выдвижения обоснованных требований по зарплате; (с) политика в области зарплат, устанавливаемая разными дочерними предприятиями одного инвестора, непрозрачна, что ведет к несопоставимым и необоснованным уровням оплаты труда; (d) коллективные договоры повторяют положения закона, касающиеся надбавок и дополнительной компенсации (например, за сверхурочную работу, работу в ночную смену и т.п.), при этом не оговаривают никаких дополнительных денежных пособий и льгот; (е) похоже, что для профсоюзов крайне важно добиваться для своих членов включения в коллективные договоры каких-то неденежных пособий и льгот; (f) профсоюзы ориентированы на то, чтобы избегать трудовых конфликтов.

Профсоюзы, **похоже, не тревожатся по поводу более широких последствий китайских инвестиций**, как минимум, по двум причинам: (а) они делают основной упор на условия занятости, соблюдение трудового законодательства, коллективные переговоры и рабочие места; (б) они предпочитают не противоречить политике правительств.

Похоже, что на данный момент **нет широких свидетельств экономической рентабельности китайских инвестиций** в регионе, однако КНР может оценивать их устойчивость, исходя из других аспектов и критериев, таких как доступ к природным ресурсам, рабочие места, преимущества военного характера и в сфере безопасности, политическое сотрудничество и т.п.

Рекомендации

Некоторые идеи для рассмотрения профсоюзами с целью улучшить ситуацию с социальным партнерством в китайских ТНК:

Лоббировать национальные органы власти, добиваясь включения основополагающих норм трудовых отношений в соглашения о займах/грантах, чтобы китайские инвесторы вели диалог и продвигали социальное партнерство.

Разрабатывать поэтапные планы действий с целью начать обмен информацией и диалог с менеджментом.

Отыскивать пути подключения трудовых инспекций к осуществлению контроля за соблюдением основополагающих норм трудовых отношений и национального трудового законодательства на предприятиях.

Налаживать сотрудничество между профсоюзами на отраслевом, региональном и местном уровнях.

Наращивать потенциал профсоюзов в области объединения и мобилизации работников и ведения переговоров (с упором на китайских работодателей).

Выделять людские ресурсы и время для работы по объединению и мобилизации работников китайских транснациональных компаний.

Обмениваться передовым опытом по объединению и мобилизации работников на китайских предприятиях.

Приложение 1. Избранные основные источники информации

BWI (Интернационал строителей и деревообработчиков): Агнешка Гинарару. Инициатива «Один пояс – один путь» в Большой Европе. Составление карты профсоюзного контекста и возможностей для органайзинга. 2019

Фонд Бертельсмманна: Экоб Марделл. Китайский след в Центральной Азии. 2020

SABAR (Центрально-Азиатское Бюро аналитических репортажей): Олег Лиманов. Узбекско-китайские отношения в период пандемии COVID-19. 2020

CALRMM (Мониторинговая миссия по трудовым правам в Центральной Азии): Свобода объединения и трудовые права в странах Центральной Азии в условиях распространения пандемии COVID-19 в первой половине 2020 г. 2020

Московский центр Карнеги: Темур Умаров. Большая тень Китая над Центральной Азией. <https://carnegie.ru/commentary/81402>

Монитор китайских инвестиций в мире Американского института предпринимательства и Фонда «Наследие»: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

Crude Accountability: <https://crudeaccountability.org/>

Фонд им. Ф. Эберта (FES):

Пламен Тончев. Мягкая сила Китая в Юго-Восточной Европе. 2020

Диетмар Дирмозер. Шелковый путь, Евразия и Древний мир. 2018

Университет им. Дж. Вашингтона: Инициатива Китая «Один пояс – один путь» и ее последствия для Центральной Азии. Редактор: Марлен Ларуэлль. Вашингтон, ОК, 2018

ICMPD (Международный центр развития миграционной политики): Елена Садовская. Инициатива Китая «Один пояс – один путь» и ее последствия для миграционных потоков и политики в Центральной Азии. 2019

Глобальный индекс МКП по соблюдению прав трудящихся за 2020 год: <https://www.ituc-csi.org/ituc-global-rights-index-2020>

SIPRI (Стокгольмский международный институт исследований проблем мира) & FES: Рихард Гиаши и Дзяйи Жоу. Экономический пояс Шелкового пути. К вопросу о последствиях для безопасности и перспективах сотрудничества между ЕС и Китаем. 2017

Академия ОБСЕ в Бишкеке и Норвежский институт международных дел (НИМД):

Инициатива Китая «Один пояс – один путь» в Центральной Азии: Амбиции, риски и реалии. Специальное издание 2. Редактор: Айгуль Абдубаева, Бишкек 2020.

Всемирный Банк:

F. De Soyres, A. Mulabdic, M. Ruta. „Common Transport Infrastructure: A Quantitative Model and Estimates from the BRI Initiative“ (Общая транспортная инфраструктура: Количественная модель и оценки из Инициативы ОПОП). 2019.

Южный Кавказ и Центральная Азия: Инициатива «Один пояс – один путь». Страновое исследование по Таджикистану. 2020

Южный Кавказ и Центральная Азия: Инициатива «Один пояс – один путь». Страновое исследование по Узбекистану. 2020

Приложение 2. Перечень проведенных интервью

Казахстан

Гульнара Жумагельдиева, заметитель председателя Федерации профсоюзов Республики Казахстан (ФПРК)

Жанжарык Кузембаев, председатель профсоюза работников АктөбеМунайГаз (Актөбе)

Бакыджан Мукашева, председатель профсоюза работников ПетроКазахстан Кумколь Ресурсы (Кызылорда)

Баурджан Мусин, заместитель председателя профсоюза работников КазМеталл

Лариса Харьковa, лидер Конфедерации независимых профсоюзов Республики Казахстан (КНПРК), (фактически ликвидированной властями в 2016 году, когда Конфедерации отказали в перерегистрации в соответствии с поправками к Закону о Профсоюзах, принятому в 2014 году)

Куспан Косшегулов, председатель Независимого профсоюза нефтяников и газовиков

Кыргызстан

Гульмира Касымалиева, руководитель социально-экономического отдела Федерации профсоюзов Кыргызстана (ФПКг)

Эльдар Таджибаев, председатель Горно-металлургического профсоюза Кыргызстана

Таджикистан

Джамшед Юнусов, Федерация независимых профсоюзов Таджикистана (ФНПТ)

Ниссо Бобоева, председатель Профсоюза работников транспорта и дорожного хозяйства Таджикистана

Узбекистан

Махмуд Исаев, руководитель социально-экономического отдела Федерации профсоюзов Узбекистана (ФПУз)

Концевые сноски

1. <https://www.ituc-csi.org/ituc-global-rights-index-2020>
2. В сентябре 2019 года Астана была переименована в Нур-Султан
3. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/208.html>
4. https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/ituc_globalrightsindex_2020_en.pdf
5. F. De Soyres, A. Mulabdic, M. Ruta. "Common Transport Infrastructure: A Quantitative Model and Estimates from the Belt and Road Initiative" (Общая транспортная инфраструктура: Количественная модель и оценки из Инициативы ОПОП), World Bank, 2019, pp. 41-42.
6. Южный Кавказ и Центральная Азия: Инициатива «Один пояс – один путь». Страновое исследование по Таджикистану, Всемирный Банк, 2020, стр. 15.
7. <https://thediplomat.com/2018/06/chinese-companies-central-asian-survival-strategy/>
8. Инициатива Китая «Один пояс – один путь» и ее последствия для Центральной Азии. Вашингтон, 2018, стр. x.
9. <https://www.ipeclub.co/chinese-solar-investments-in-central-asia-a-snapshot/>
10. Включает 3 449 крупных транзакций (100+ млн. долларов США) с января 2005 по июнь 2020 года
11. <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>
12. <https://crudeaccountability.org/chinese-investments/kazakhstan/>
13. https://www.bertelsmann-stiftung.de/fileadmin/files/user_upload/ST-DA_Asia_Policy_Brief_Chinas_Footprint_in_Central_Asia.pdf
14. <http://www.nber.org/papers/w26050>, p. 65.
15. <https://eurasianet.org/china-diversifies-in-central-asia>
16. Jingbo Li. Research on the Risk of China Direct Investment in Five Central Asian Countries Against the Background of "the Belt and Road Initiative" (Исследование риска, связанного с прямыми инвестициями Китая в пять стран Центральной Азии на фоне Инициативы «Один пояс - один путь»). – in: Advances in Economics, Business and management Research, vol. 94, Atlantis Press, 2019 – стр. 903 – 910.
17. Инициатива Китая «Один пояс – один путь» и ее последствия для Центральной Азии. Вашингтон, 2018, стр. x.
18. А. Гинарару. Инициатива «Один пояс – один путь» в Большой Европе, стр. 2.
19. <https://carnegie.ru/commentary/81402>
20. <https://platon.asia/analitika/ekonomicheskaya-ekspansiya-kitaya-v-tsa>
21. <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20200111/rekursi-i-obekti-naskolko-kitai-uglubilsya-v-tadzhikistan>
22. Инициатива Китая «Один пояс – один путь» и ее последствия для Центральной Азии. Вашингтон, 2018, стр. x.
23. <https://carnegie.ru/commentary/81402>
24. <https://www.gisreportsonline.com/china-is-winning-the-new-great-game-in-central-asia,politics,1782.html>
25. <https://carnegie.ru/commentary/81402>
26. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/06/17/central-asia-council-adopts-a-new-eu-strategy-for-the-region/>
27. https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/90020/central-asia-online-economic-forum-%E2%80%999Ceu-central-asia-dialogue-partnership-prosperity%E2%80%9D_en
28. <http://www.nber.org/papers/w26050>, pp. 14-15.
29. <https://crudeaccountability.org/chinese-investments/risks-and-threats/>
30. Экономический пояс Шелкового пути. К вопросу о последствиях для безопасности и перспективах сотрудничества между ЕС и Китаем. SIPRI и FES. 2017, стр. ix.
31. <https://www.orfonline.org/research/is-china-replicating-its-xin-jiang-model-in-bri-countries/>
32. <https://crudeaccountability.org/chinese-investments/kazakhstan/>
33. <https://eurasianet.org/chinese-hydroelectric-investments-in-central-asia-a-snapshot/>
34. <https://invest.gov.kz/media-center/press-releases/stroitelstvo-kazakhstansko-kitayskikh-invest-proektov-budet-vestis-v-sootvetstvii-s-zakonodatelstvom/>
35. <https://primeminister.kz/ru/news/glava-gosudarstva-prinyal-predsedatelya-soveta-direktorov-korporacii-cnpc-van-ilinya>
36. Согласно интервью, тенденция среди китайских инвесторов к расширению своей деятельности на сельское хозяйство, видимо, присутствует и в Кыргызстане тоже.
37. <https://www.thethirdpole.net/2019/11/07/half-of-chinas-investment-in-kazakhstan-is-in-oil-and-gas/>
38. <https://eurasia.expert/investitsii-i-seryy-import-otnosheniya-kyrgyzstana-i-kitaya/>
39. <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>
40. https://24.kg/ekonomika/143108_33protsenta_pryamyih_investitsiy_vkyrgyzstan_privlekayut_izkitaya/
41. <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-authorities-wake-up-to-business-climate-blues>
42. https://24.kg/vlast/154742_deputaty_predlagayut_zapretit_investitsionnyie_soglasheniya_vsphere_nedropolzovaniya/
43. https://24.kg/obschestvo/144008_sem_aksiy_protesta_posle_kotoryih_investoryi_prekratili_rabotu_vkyrgyzstane/
44. <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-authorities-wake-up-to-business-climate-blues>
45. <https://carnegie.ru/commentary/81402>
46. <https://thediplomat.com/2018/08/why-central-asia-is-betting-on-chinas-belt-and-road/>
47. <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-living-in-the-shadow-of-a-sleeping-chinese-oil-refinery/>
48. <http://www.zijinmining.com/business/product-detail-26915.htm>
49. <https://eurasia.expert/investitsii-i-seryy-import-otnosheniya-kyrgyzstana-i-kitaya/>
50. <https://knews.kg/2019/08/16/kitaj-ot-ekonomicheskoy-ekspansii-v-tadzhikistane-perehodit-k-voenno-politicheskoy/>
51. <https://vestnikkavkaza.net/analysis/China-s-scheme-in-Central-Asia-investments-in-exchange-for-deposits.html>

- 52 Южный Кавказ и Центральная Азия: Инициатива «Один пояс – один путь». Страновое исследование по Таджикистану, Всемирный Банк, 2020, стр. 3.
- 53 Там же, стр. 14.
- 54 <https://rus.ozodi.org/a/30008197.html>
- 55 <https://www.s-ge.com/sites/default/files/publication/free/economic-report-tajikistan-eda-2019-12.pdf>, p.5.
- 56 <https://vestnikkavkaza.net/analysis/China-gets-Tajikistan-s-gold.html>
- 57 <https://www.reuters.com/article/us-tajikistan-china-gold/chinese-venture-to-start-mining-battery-metal-antimony-in-tajikistan-idUSKCN1VH1BG>
- 58 <https://www.reuters.com/article/tajikistan-china-antimony-gold/chinese-tajik-antimony-project-delayed-by-coronavirus-idUSL8N2BO48C>
- 59 <https://eurasianet.org/china-diversifies-in-central-asia>
- 60 <https://santandertrade.com/en/portal/establish-overseas/tajikistan/investing-3>
- 61 <https://eurasianet.org/tajikistan-approves-chinese-360-million-grant-for-highways>
- 62 <https://www.caspianpolicy.org/tajikistan-and-china-discuss-improving-bilateral-economic-relations/>
- 63 <https://www.rferl.org/a/silver-lining-tajikistan-defends-controversial-decision-to-give-mine-to-china/30199786.html>
- 64 <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20200111/rekursi-i-obekti-naskolko-kitai-uglubilsya-v-tadzhikistan>
- 65 <https://eurasianet.org/could-energy-trade-be-a-win-win-for-tajik-uzbek-ties/>
- 66 <https://podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/god-ispytaniy-kak-uzbekistan-i-kitay-vystraivayut-torgovo-ekonomicheskie-otnosheniya-vo-vremya-pande/>
- 67 [https://podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/uzbekistan-nameren-dovesti-ezhegodnyy-obem-privlekaemykh-kitayskikh-investitsiy-do-5-mlrd-/](https://podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/uzbekistan-nameren-dovesti-ezhegodnyy-obem-privlekaemykh-kitayskikh-investitsiy-do-5-mlrd/)
- 68 <https://cabar.asia/en/uzbekistan-china-relations-during-the-covid-19-pandemic>
- 69 В Узбекистане пока существуют 3 Свободных экономических зоны – в Джизаке, Ангрене и Навои.
- 70 http://www.xinhuanet.com/english/2019-12/29/c_138663836.htm
- 71 <https://eurasianet.org/china-business-briefing-not-happy-with-kyrgyzstan>
- 72 <https://jamestown.org/program/uzbekistan-increasingly-turns-to-china-for-development-loans/>
- 73 <https://link.springer.com/article/10.1007/s10308-020-00589-w>
- 74 <https://eurasianet.org/poll-shows-uzbeks-like-neighbors-growing-leery-of-chinese-investments>

